

ОБРАЗ ВОЙНЫ В ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯХ И ПУБЛИЦИСТИКЕ ВАС. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ (1877–1878) И РУССКО-ЯПОНСКОЙ (1904–1905) ВОЙН: СЮЖЕТЫ И РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

С. А. Новикова

Статья посвящена вопросам формирования образа войны и влияния на него стереотипов восприятия русского общества второй половины XIX — начала XX века. Главным источником для изучения темы стали статьи и заметки известного военного журналиста и публициста Вас. И. Немировича-Данченко (1844–1936), принимавшего участие в качестве военного корреспондента практически во всех крупных военных конфликтах второй половины XIX — начала XX века и оставившего заметный след как в журналистике, так и в литературе. Статьи и заметки, использованные в данной работе, посвящены русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905) войнам. В них в полной мере отражены не только основные общественные стереотипы восприятия противника и предстоящей войны, но и сюжетные, собирательные образы, введенные автором для подкрепления или опровержения устоявшихся взглядов. В ходе работы Немирович-Данченко выработал свой персональный аппарат образов и методик, благодаря которым ему удавалось передавать тончайшие нюансы, необходимые для достижения поставленной задачи. Этот аппарат, сформированный в ходе русско-турецкой войны, претерпел лишь незначительные изменения, дополняясь размышлениями автора на темы эволюции войн, которые ему доводилось видеть. Анализ материалов данной статьи производился с учетом современных взглядов научного сообщества на проблемы формирования образов войны, с целью показать действительное влияние общественных настроений и взглядов на развитие стереотипов восприятия и их выражение в печати. Прежде всего это касалось периода непосредственно перед войной и развития уже существовавших взглядов в ходе нее. Автор статьи рассматривал прогностический и синхронный этапы формирования образа войны, вынося за рамки рассуждений ретроспективный (завершающий) взгляд.

Тема статьи является частью большого вопроса взаимодействия и взаимного восприятия русского общества и прессы в пореформенный период. В данной работе затрагивается такой аспект взаимоотношений общества и печати, как формирование и развитие образа войны накануне боевых действий и во время их ведения. Этот аспект рассматривается на материалах русско-турецкой и русско-японской войн. Образ каждой из них был разобран на основе корреспонденций и публи-

цистики Вас. И. Немировича-Данченко. Василий Иванович был талантливым публицистом и писателем, известным широкому кругу читателей автором путевых заметок, но сам он себя всегда считал прежде всего журналистом. Его письма и телеграммы сопровождали все значительные военные конфликты времени, в которое он жил. Корреспондентская публицистика журналиста выполняла не только информационную, но и пропагандистскую функцию. Она учитывала и корректировала настроения определенной части общества. В своих письмах и телеграммах автор как формировал новые, так и развивал уже существовавшие стереотипные представления о войне и врагах.

Василий Иванович Немирович-Данченко родился 23 декабря 1844 г.¹ в Тифлисе, в семье военного офицера, учился в Первом Александровском кадетском корпусе, располагавшемся в то время в Москве. Во время учебы в корпусе под влиянием увлечения Н. Г. Чернышевским² он, желая снискать славу на литературном поприще, поехал поступать в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. Учебы в университете не вышло — через несколько месяцев он ее бросил и начал заниматься журналистикой. Первые попытки на литературном поприще не увенчались успехом. В 1870 г. за антиправительственные публикации Немирович-Данченко был выслан в Архангельск под надзор полиции. Там он наладил связи с журналом «Отечественные записки», где были напечатаны несколько его стихотворений, а затем получил от редакции задание, путешествуя по Северу, дать обзор жизни и быта народов этого региона. В 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, а в апреле 1876 г. — в Болгарии. Хотя Россия и придерживалась в этом конфликте нейтралитета, множество русских добровольцев отправились на помощь братьям-славянам, в их числе был и Немирович-Данченко. В качестве военного корреспондента он принял участие в русско-турецкой войне³. Это было его первое столкновение с войной.

В 1904 г. Василий Иванович освещал русско-японскую войну. Он представлял газету «Русское слово» и, в отличие от русско-турецкой войны, которую он прошел практически от начала до конца, во время русско-японской пробыл на фронте лишь до декабря 1904 г.⁴

В последний раз ему довелось быть военным корреспондентом во время Первой мировой войны. Он публиковался в «Русском слове», кроме того, был уполномоченным Красного креста на фронте⁵. В ходе выполнения корреспондентских функций на Восточном фронте Немирович-Данченко был серьезно контужен⁶. После выздоровления он вместе с несколькими журналистами и писателями посетил Великобританию⁷. В ходе этой поездки представители русской делегации побывали на британских позициях. Они посетили Ипр, добра-

¹ РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 264. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Д. 124. Л. 24.

⁴ Война 1904–1905 гг. Отчет о применении цензуры на театре войны. Харбин, 1905. С. 27–36.

⁵ РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 3. Д. 92. Л. 124.

⁶ Там же. Д. 95. Л. 40.

⁷ Там же. Д. 92. Л. 124.

лись до Вердена и до итальянского фронта⁸. События февраля 1917 г. заставили Немировича-Данченко вернуться в Россию.

После прихода к власти большевиков Василий Иванович отошел от активной деятельности. В 1921 г. он эмигрировал сначала в Берлин, а затем оттуда перебрался в Прагу, где и скончался в 1936 г.

Материалы, относящиеся к журналистской деятельности Немировича-Данченко в период русско-турецкой и русско-японской войн, хранятся в его личном фонде в РГАЛИ⁹. После русско-турецкой и русско-японской войн он издал два сборника собственных корреспонденций. Это были материалы, напечатанные в 1877—1878 гг. в «Новом времени» и в 1904 г. в «Русском слове»¹⁰.

По замечанию Е. С. Сенявской, образ войны — это комплекс представлений о ней, включающий как интеллектуальные, так и эмоциональные компоненты. Они позволяют попытаться, с одной стороны, рационально и логически осмыслить это явление, с другой — представляют собой совокупность эмоций и чувств в ее отношении. Существует и другое — более широкое — понимание этого термина: оно включает в себя и собственный образ, и образ врага. В это понимание входят представления о характере войны, ее масштабах и соотношении сил, о перспективах. «Образ войны, — отмечает исследовательница, — никогда не бывает статичным. Его можно разделить на три типа: прогностический, синхронный и ретроспективный»¹¹. Первый тип, как правило, не бывает адекватным, он выдержан в оптимистичных тонах. Синхронный тип формируется в ходе войны и основан на реальном опыте и формируется в рамках его осмысления. Наконец, ретроспективный тип формируется после войны и основан обычно на профессиональном анализе произошедших событий¹².

Можно дополнить мнение Е. С. Сенявской тем, что прогностическая фаза формирования образа войны включает в себя и государственную пропаганду, формирование в прессе предварительного представления о противнике для создания соответствующего общественного мнения. Синхронная же составляющая определяется прежде всего личным опытом комбатантов, их психологическим состоянием, экономическими факторами, влияющими на жизнь общества. И главное — связью между обществом и армией, причем связью эмоционально-экзистенциальной, определяемой в том числе и периодической печатью.

Для формирования в общественном сознании образа войны требуется выработка определенных оценочных характеристик. Такие характеристики должны транслироваться прессой еще до начала войны. В них должны даваться оценки будущему противнику, в целом международной обстановке, в которой придется воевать. Для этого и требуются прогностические представления. Как правило, перед войной то или иное представление о будущем противнике уже

⁸ РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 3. Д. 97. Л. 14.

⁹ Там же. Оп. 1—3.

¹⁰ *Немирович-Данченко Вас. И.* Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877—1878: В 3 т. СПб., 1878—1879; *Он же.* На войну (от Санкт-Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги. СПб., 1905.

¹¹ *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 49.

¹² Там же. С. 53.

существует. Оно основано на сложившейся традиции его восприятия. Поэтому если противник знаком — необходимо просто заново разжечь соответствующий интерес, если противник новый — требуется преодолеть неизбежные трудности, связанные с необходимостью его идентификации.

Известно, что в результате масштабных преобразований в военной сфере, осуществленных в рамках Великих реформ, общественный интерес к проблемам армии и флота существенно возрос и в дальнейшем существенным образом сказывался на том, как протекала та или иная кампания, причем чаще всего в негативном отношении. Если кампания не поддерживалась обществом или даже осуждалась им, то ее исход чаще всего оказывался проигрышным. Невнимание власти к формированию соответствующей мотивации, призванной мобилизовать общество, пренебрежительное отношение к артикуляции возможных перспектив предстоящей войны, невнимание к запросам самого общества становились гвоздями, вбитыми в крышку гроба безупречно натренированной тактики и, казалось, досконально проработанной стратегии.

В этом смысле к русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Россия оказалась хорошо подготовленной не только в военном, но и в идеологическом отношении. Власть четко осознавала необходимость реванша за поражение в Крымской войне и обретения влияния на Балканах. Намерение возродить Россию именно как великую державу, определяющую ход европейских дел, нашло поддержку и в обществе, которое оказалось сильно взволнованным сербо-турецким конфликтом. Популярная тогда идея единства славянства легитимировала вмешательство в этот конфликт России. Ярко выраженный интерес общества имел и практические последствия — появился Славянский благотворительный комитет, собирались крупные пожертвования, на войну уезжали добровольцы. Причем проводы добровольцев на фронт порой выливались в манифестации на вокзалах, что серьезно беспокоило власти.

В исследованиях, посвященных русской прессе того времени, проведен анализ позиций изданий по поводу сложившейся на Балканах ситуации¹³. Печать разделилась на провоенную и антивоенную. Провоенные настроения имели большую популярность в обществе, причем среди самых разных его слоев. Антивоенная же позиция отстаивалась прессой демократического направления, она сводилась к обоснованию ненужности и несвоевременности возможной войны¹⁴. В целом общественный интерес к кризису на Балканах был огромен, поэтому пресса стремилась максимально подробно освещать разворачивавшиеся события. В результате вместе с войсками на русско-турецкую войну отправились первые военные журналисты.

Противоположным образом развивались общественные настроения накануне русско-японской войны. Ситуация складывалась противоречиво. С одной стороны, в правящих кругах присутствовало желание «маленькой победонос-

¹³ См.: *Ровнякова Л. И.* Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX в.): Очерки. Л., 1986; *Антонова Т. В.* Борьба за свободу печати в России 1862–1882 гг. М., 1992; *Болотина Н. В.* Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1999.

¹⁴ См.: *Болотина Н. В.* Указ. соч. С. 49.

ной войны» — приключения с неизбежно благоприятным финалом. С другой стороны, воевать не хотели, надеялись, что войны удастся избежать. При этом широкомасштабной военной подготовки не велось. Вместе с тем обществу были названы несколько причин нашего интереса к Дальнему Востоку. Они варьировались «от сознания родственности русского народа с народами Дальнего Востока, до покровительственно-пренебрежительного и несколько неприязненного отношения к “аборигенам”»¹⁵. В общество вбрасывались идеи об исторической и культурной миссии России на Востоке. Муссировались представления о «белом царе», об исторической роли России как защитницы Европы от «желтой опасности». Возникло представление о Желтороссии — так называли «особую территорию Маньчжурии и Уссурийского края, которая должна стать русской колонией, заслоном от Китая и Японии»¹⁶. К началу войны модными стали разговоры о панмонголизме. При этом, несмотря на то что в правительственных верхах все большую силу приобретали сторонники войны на Дальнем Востоке, в обществе наблюдался постепенный спад интереса к этому региону: оно не понимало ни целей российского присутствия на Тихом океане, ни необходимости участия в возможном конфликте. Стремление правительства разжечь общественный интерес к вероятной силовой акции на Дальнем Востоке провалилось. Помимо всего прочего, правительству так и не удалось развернуть эффективную пропагандистскую кампанию. Не сумев подобрать понятные и яркие образы, пресса была вынуждена прибегать к невнятной и сумбурной аргументации. Во многом именно поэтому прессу в преддверии войны поразили антивоенные настроения.

Так выглядел прогностический тип образа войны в ситуациях поддержки и неприятия войны обществом. Синхронный тип этого образа в гораздо большей степени формировался на страницах периодических изданий. По сути, здесь он распадался на два — на образ врага и образ своих. Военные корреспонденции были призваны создавать яркие, живые, зримые описания войны, наполнять конкретным содержанием уже сформированные предвоенные стереотипы.

В корреспонденциях Немировича-Данченко можно выделить ряд таких образов. Это и непосредственное противопоставление своих и врагов, и характеристика взаимоотношений своих и врагов с мирным населением. Говоря о русско-турецкой кампании, он писал о героизме и самопожертвовании простого русского солдата. Этот образ дополнялся образом русской женщины — сестры милосердия, ставшей своего рода символом жертвенности во имя людей. Противник же в его письмах представлял собой человека со всевозможными недостатками. Общество, разогретое многочисленными сведениями о зверствах турок над мирным славянским населением, было готово воспринять подобный стереотип. Такое описание неизбежно работало на общественную поддержку военной кампании. Позитивные настроения возникали в отношении и русского солдата, и освобождавшегося им от турок мирного населения.

¹⁵ Жукова Л. В. Идеологическое обоснование русско-японской войны в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 3.

¹⁶ Там же.

Образ врага в корреспонденциях Немирович-Данченко выглядел весьма колоритным и не гротескным, а вполне живым, жизненным, естественным. При создании предвоенного стереотипа врага применялось несколько художественных приемов. Как правило, они сводились к описаниям повторявшихся аналогичных ситуаций с диаметрально противоположным поведением своих и врагов. Это были сцены обращения с мирным населением, отношения к раненым, поведения на поле боя.

Так, образ турка в предвоенном представлении русского общества был вполне определенным, поэтому для его «раскрашивания» было достаточно нескольких мазков. Турок на поле сражения — это достойный противник, сильный, ловкий, «рослый с суровыми воинственными чертами лица, в которых... еще не погасло недавнее боевое оживление»¹⁷. В то же время, несмотря на кажущуюся воинственность и безжалостность в бою, он оказывался нерешительным и трусливым. Враг был многочисленным, бессчетным. Его — «силища», потому что его тысячи, это «дикая стихийная масса», «лавина, скатившаяся с Зеленых гор». Эта лавина «без удержанья... понеслась вперед, смывая все на своем пути. Раненые, убитые не останавливали массы»¹⁸. Турок умирал героем, практически не сдавался в плен. Хотя в то же время под первыми ответными залпами легко поворачивал вспять, бежал, даже лучшие силы — низам — бросались «в беспорядочное отступление». «Турки бежали назад, точно объятые паническим страхом, сплошную массою, не раздаваясь по сторонам, давя друг друга, оставляя своих раненых. <...> Редиф и низам, башибузуки и кавалеристы с черкесами — все это перемешалось в одно море коней и голов»¹⁹.

В мирной жизни, вне сражения турок — это безжалостный убийца, насильник, головорез, нехристь, для которого нет ничего святого. Он не заботился о своих раненых: «Несчастные умирали один за другим без пищи, без капли воды»²⁰. Раненых солдат неприятеля турки и вовсе убивали, причем мучительно: люди умирали после истязаний, которые были сродни «средневековым пыткам». «У раненых, попавших к ним, были отрублены поочередно одна за другой руки и ноги, у здоровых руками злодеев не вырезаны, а вывернуты, вырваны некоторые органы. На груди у связанных разложены костры, у других огонь зажжен таким образом на животе»²¹. Турки заставляли работать на себя болгарское население: «Стада пасли для них болгары, хлеб из села для них пекли и носили по принуждению болгары, солому, сено поставляли болгары. Более! Укрепления, земляные редуты, ложементы, люнеты возведены болгарскими»²². Непокорные селения вырезали, оставляя после себя горы трупов женщин, детей и стариков. «Наши находили женщин, зарезанных, судя по положению их трупов, в самый момент изнасилования, и это не одиночки, не исключения, а так сорок-пятьдесят трупов на одном и том же пункте»²³.

¹⁷ Немирович-Данченко Вас. И. Год войны. Т. 2. С. 48.

¹⁸ Там же. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 27–28.

²⁰ Там же. С. 55.

²¹ Там же. Т. 1. С. 8.

²² Там же. С. 236–237.

²³ Немирович-Данченко Вас. И. Год войны. Т. 1. С. 8–9.

То есть нарисованный корреспондентом облик противника, особенно манера его поведения с мирным населением, с ранеными, был обликом человека, наделенного всеми возможными недостатками и пороками, которые дополнялись его фанатичностью и злобой по отношению ко всему живому. В противоположность этому русский солдат на Балканах предстал освободителем. Он утирал слезы обиженным и угнетенным, защищал их от жестоких врагов. Он простой человек из села откуда-нибудь из Центральной России. Он милосерден к страждущим и готов пролить свою кровь за других. В бою он стоял до конца, расплачивался жизнью «за честную защиту своих позиций». Он не боялся бросаться на вражеские штыки, погибать первым, умирать безвестным. «Каждый солдат наш был в этот памятный день героем. Трусов, нерешительных не оказывалось»²⁴.

Образ русского солдата в Болгарии дополняли заметки о русских женщинах, отправившихся на войну вслед за армией, чтобы оказывать ей посильную помощь. «Помимо нашего солдата, нетронутую, сильную, полную любви и самопожертвования вступила на эту кровавую ниву русская женщина. Такою она оставалась все время, такою же умирала под конец от тифа и устали, жертвуя жизнью за великое дело. Сколько сил оказалось в этом хрупком создании среди общей дряблости и лени. С чувством, близким к благоговению, вспоминаешь о ней, и невольно слезы навертываются на глаза при виде бесчисленных могил на чужой стороне, куда без пышных фраз и продажных реклам легли под конец своего подвижничества наши сестры милосердия, наши врачи и санитары»²⁵. Женские образы, показанные на фоне военных мук и тягот, зачастую непосильных мужчинам, должны были вызывать чувства искренней жалости и благородного гнева, что такие создания терпят лишения, чтобы облегчить страдания солдат, воюющих за правое дело.

Таким образом, приемы, применявшиеся Немировичем-Данченко в его письмах во время русско-турецкой войны, дополняли уже сформированный до войны образ врага. Он приводил в качестве примера типичные факты, доводы, картины, характеризовавшие уже знакомый русскому читателю образ врага. В свою очередь красочное привнесение в этот образ живых характеристик и конкретики окончательно сформировало и образ самой войны. Она должна была — с точки зрения элементарного здравого смысла и нормального человеческого гуманизма — восприниматься как спасающая, даровавшая освобождение, кровавая, но необходимая.

Спустя четверть века, во время русско-японской войны, аналогичная задача оказалась для Немировича-Данченко значительно труднее. Необходимо было практически с нуля формировать образ не только врага — японцев, но и образ местного мирного населения — китайцев, которых требовалось защищать. Ситуация осложнялась тем, что массовый русский читатель имел слабое представление о Дальнем Востоке и плохо понимал цели войны с Японией. Поэтому предпринимались попытки в спешном порядке создать требовавшийся образ врага. Так появились представления о японцах как о «макаках», «желтомордых».

²⁴ Немирович-Данченко *Вас. И.* Год войны. Т. 1. С. 41.

²⁵ Там же. С. 317.

Рисовались лубочные картинки, в которых прогнозировалась наша легкая победа над слабым и нецивилизованным неприятелем.

Настороженно относились и к китайцам из-за их непохожести на русских, несмотря на то что в ходе войны солдаты довольно много общались с местным населением. Если в русско-турецкую войну русский солдат, воюя на болгарской земле, мог свободно изъясняться с местными жителями-славянами, близкими по культуре и по вере, то на Дальнем Востоке простой солдат, офицер, казак не понимали и не знали местное население. Даже несмотря на то что китайцы говорили по-русски, во фронтовых корреспонденциях Немировича-Данченко отмечалось отсутствие близости с китайским населением, чего не было в русско-турецкую войну в отношении болгар. С китайцами не делили последний хлеб и не чечевали в одних окопах, воспринимая их как братьев.

Чрезвычайно деструктивно влияло на русскую армию слабое пропагандистское обеспечение дальневосточной кампании. Не понимая причин войны, солдаты озлоблялись, ощущали абсолютную бессмысленность своего пребывания в Маньчжурии, смысл защиты которой не был для них очевидным. В 1877–1878 гг. все было просто — требовалось защитить и освободить православных братьев по крови от турецкого ига, противник был знаком, местное население воспринималось как союзник. В 1904 г. армия оказалась в совершенно незнакомой местности. Со всех сторон русскую армию окружало «желтое» население, внешне не отличавшееся от непосредственного противника. Войска считали это местное население чуждым, а следовательно, сомневались в его расположенности и благонадежности. Немаловажной и деструктивной для морального духа армии особенностью этой войны стали также крайняя отдаленность театра военных действий от Центральной России, долгая дорога на Дальний Восток и, конечно, отсутствие поддержки кампании в общественном мнении. Все это не могло не сказаться на боевом и психологическом состоянии войск.

Отсутствие жизнеспособного предвоенного стереотипа восприятия противника провоцировало появление слухов и всевозможных мифов о нем. По пути на Дальний Восток солдаты пересказывали друг другу разные слухи. Например, такой. Дескать, у японцев «при каждом полку особая японка есть. Безглазая. Пустое место у носу. Они ее на красном ковре носят. В большом она почете у них. Эта японка именно все и видит. Рассказывает, по каким местам мы идем, сколько нас, какие орудия на платформах везем, довольно ли с нами снаряду»²⁶. Высказывались и иные суждения о предстоящем противнике: «Япония, сказывают, маленькая, но бравая <...> ихние воины, читали мы, вместе с нашими недавно китайца били. <...> Солдаты храбрые — от русских нигде не отставали»²⁷.

Значимым фактором, влиявшим как на психологическое состояние русских солдат, так и на восприятие ими предстоящей войны, была длинная дорога на фронт. Война, по сути, и начиналась с дороги. Этот путь изматывал: постоянные задержки, бесконечные одинаковые пейзажи, нескончаемые километры железной дороги. Если в 1877–1878 гг. добраться до театра военных действий можно

²⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* На войну (от Санкт-Петербурга до Порт-Артура). С. 43.

²⁷ Там же. С. 23.

было за три-четыре дня²⁸, а для отдыха от войны — всего лишь за сутки до Бухареста, то в далекой Маньчжурии даже тыла как такового не было.

Жутко изматывало и ожидание столкновений с японцами и по прибытии на театр военных действий. Войска сразу не столкнулись лицом к лицу с неприятелем. Продолжилось томительное ожидание — теперь уже в обстановке повсюду окружавшей опасности. Сам характер войны становился непривычным для русской армии — изматывающе позиционным. «Фортификационные сооружения (люнетты, редуты) остались в прошлом, — пишет Е. С. Сенявская о ситуации рубежа XIX и XX вв., — им на смену пришли оборонительные позиции, оборудованные окопами, блиндажами, проволочными заграждениями»²⁹. Кажущееся бесцельным сидение на позициях, смерть не от штыков, не в бою, а от прилетающих на эти позиции снарядов оказывали деморализующее воздействие на неподготовленные части. Все это негативно влияло на боеспособность войск, на их психику и мотивацию.

Но в ходе боевых действий, с началом столкновений с противником синхронный образ войны и неприятеля все же стал формироваться. До того официальная пропаганда стремилась уже известными ранее методами (дискредитацией противника, элементарным уменьшением его изображений в газетах и на лубочных картинках, другими приемами) добиться складывания в обществе ненавистного и вместе с тем пренебрежительного отношения к японцам. В ходе войны, особенно с приходом понимания о предстоящем поражении, наиболее актуальной проблемой стало обоснование собственной «немощи». Поэтому японцы стали представляться достойными противниками. Новый образ врага уже не имел ничего общего с довоенным. Японец на поле битвы, во время разведывательных операций — это человек решительный, хитрый. По прибытии в Порт-Артур Немирович-Данченко характеризовал японцев как рассеянных и неуверенных, время для решительных действий которых уже утрачено³⁰. Корреспондент отмечал присущую японцам тактику детских уловок, например «приказ послать к порту подводные лодки, которыми в действительности японцы не располагают»³¹, или перекрашивание транспортных судов «в боевые краски»³². Но со временем, особенно после того как Немирович-Данченко стал свидетелем морских боев у Порт-Артура, он пришел к заключению, что японцы — «достойный враг, заслуживающий уважения». Потерпев поражение, они «изумительно» боролись с судьбой. Лишь путем долгих уговоров удавалось убедить их сдаться в плен, многие сопротивлялись: стреляли в «спасателей», добравшись до берега, делали хакакири. Но даже сдавшись, они были угрюмы, завидовали павшим, что тем удалось избежать позорного плена. Для выполнения поставленной перед ними боевой задачи японцы способны были преодолевать всевозможные препятствия и трудности. «Значительная часть японской пехоты, — писал Немирович-Данченко, — желая зайти в тыл нашим,

²⁸ См.: *Немирович-Данченко Вас. И.* На войну (от Санкт-Петербурга до Порт-Артура). С. 10–11.

²⁹ См.: *Сенявская Е. С.* Указ. соч. С. 127.

³⁰ См.: Русское слово. 1904. № 104.

³¹ Там же. № 107.

³² См.: Там же.

прошла за Кинчжоу по горло в воде на большом расстоянии»³³. Наравне с пехотой японские моряки также проявляли чудеса храбрости и выдержки в ночном бою: «Чудом держась на мачте (затонувшего брандера. — С. Н.), японские матросы все время подавали своим сигналы, размахивая огнем»³⁴.

Моральные качества противника также оказались на деле достойными уважения. Корреспондент отмечал, что неприятель «доставляет с поля битвы раненых, не различая национальностей»³⁵, а во время сражения оказывает медицинскую помощь как своим, так и врагам³⁶. Китайское население не подвергается с его стороны притеснениям, поэтому имели место факты помощи китайцев японским войскам. И вообще, как отмечал Немирович-Данченко, в массе своей китайцы в этой войне — на стороне японцев, и в этом, по словам корреспондента, во многом была наша вина. Китаец, писал он, вообще настороженно относится к европейцам: «За что ему любить нас? Англичанин разговаривает с ним при помощи палки в обыкновенное и палача в необыкновенное время, немец в занятой военным постоем деревне кружится вечером в вальсе с китайскими девушками, а утром, уходя прочь, зажигает их дома и истребляет население. Русский тычет куда попало “в морду”»³⁷. Безусловно, подобное обстоятельство негативно сказалось на восприятии китайцами наших войск.

То есть по сравнению с русско-турецкой войной в новую кампанию возникли проблемы со смысловым наполнением образа врага. Точнее, его казенное наполнение было неэффективным. Предвоенный стереотип оказался полностью нежизнеспособным. Японцы, в отличие от турок, вели войну, соблюдая международное право, придаться к ним с этой стороны было невозможно, а следовательно, не получалось и представить японца зверем. Предвоенная пропаганда, исходя из фундаментальных цивилизационных различий обеих сторон, мифологизировала японцев. В определенной мере это был необходимый этап идеологической подготовки к войне, но по ряду причин на нем все и завершилось. Вместе с тем вслед за мифологическим следовало создавать и вполне человеческий образ противника. Для формирования у общества представления о японцах требовалось наделить их качествами, схожими с собственными, то есть позволить будущему солдату воспринимать врага как человека, которого можно убить. А уже за этим должно было последовать наделение противника резко отрицательными характеристиками, чтобы вызвать к нему ненависть. Перед войной пропаганда остановилась на образе «макак», которые не воспринимались как что-то реальное. Более того, фактически не наблюдая противника, а лишь слыша грохот артобстрелов и погибая под ними на своих позициях, солдаты впадали в панику перед неизвестным им врагом.

В ходе войны существенно скорректировалось — в негативную сторону — и представление о китайцах. Предвоенные представления о них как о безволь-

³³ Русское слово. 1904. № 111.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. № 128.

³⁶ Между тем на практике в русском общественном мнении сохранялось устойчивое представление, что японцы добивают раненых — и своих, и чужих.

³⁷ *Немирович-Данченко Вас. И.* На войну (от Санкт-Петербурга до Порт-Артура). С. 99.

ных и даже бездушных существах сменилось восприятием этого народа как жестокого и коварного. Определенную роль в этом, безусловно, сыграли слухи, но они не были беспочвенными. Так, говоря об отношении японцев с нашими ранеными, Немирович-Данченко отмечал: «Все изуверства над ранеными совершают не японцы, а китайцы, похваляющиеся в случае победы японцев отправить в Пекин корзины, наполненные русскими ушами»³⁸. Помимо жестокостей китайцев корреспондент отмечал и их предельную вовлеченность в конфликт на стороне японцев: будучи нейтральной державой, «не рискуя ничем, не тратя ни копейки, она помогает самым существенным образом нашим врагам и вредит нам где может»³⁹. Так, при поимке отрядов хунгузов обнаруживали китайских солдат, которых вынуждены были отпускать после засвидетельствования личности, хотя и было вполне очевидно, что из их ружей недавно стреляли⁴⁰.

Характеризуя образ своих в этой войне, Немирович-Данченко не смог не проводить сравнений с образом врага. Отмечая высокие боевые качества противника, корреспондент не забывал сказать и о храбрости, боевой удали и стойкости наших войск. Он писал о том, как «наша пехота отважно врывается на неприятельские позиции»⁴¹. «Вихрем неслись стройные ряды всадников, одолевая в стремительном движении вперед все трудные препятствия страшно пересеченной местности»⁴². Журналист отмечал, как страшно и восхитительно выглядели казаки в бою: «Пики здесь были впервые в деле и наводили ужас. Были такие удары, когда с маху казак пробивал насквозь всадника и ранил лошадь. <...> Истребляя все на своем пути, казачья лава встретила шесть японских пулеметов и сумела из-под их адского огня уйти без больших потерь»⁴³. Несмотря на доблесть, боевой порыв, стремительность и внезапность атак, повседневная война в большинстве случаев выглядела иначе. Вместо лихого порыва всадников, выбивавших турок в Болгарии, в русско-японскую войну наши войска чаще оборонялись, а не наступали.

И в русско-японскую войну, как и в русско-турецкую, в своих корреспонденциях Немирович-Данченко уделял большое внимание образу сестер милосердия. Как и прежде, этот образ был призван показать подвиг женщины, способной наравне с мужчиной переносить все тяготы войны, несмотря ни на какие трудности и лишения. Этот образ также должен был оказывать психологическое воздействие на читателя, демонстрируя, что и женщины стойко выполняли свой долг, оказавшись на войне. Но в русско-японскую кампанию — в отличие от русско-турецкой — эффект от идеологического воздействия этого образа был не столь сильным. Сказалось общее негативное восприятие проигрываемой войны, и на фоне такого восприятия меркли даже яркие и выдающиеся примеры героизма и самоотверженности. Образ врага предстал перед русской общественностью в совершенно ином свете — в виде вполне цивилизованного противни-

³⁸ Русское слово. 1904. № 128.

³⁹ *Немирович-Данченко Вас. И.* На войну (от Санкт-Петербурга до Порт-Артура). С. 142.

⁴⁰ См.: Русское слово. 1904. № 125.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. № 138.

⁴³ Там же.

ка, которого, по сути, не в чем было упрекнуть, а тем более обвинить. Отсутствие мотивов к войне, поражение от врага, который представлялся слабее, — все это вызвало огромное разочарование и негодование. Образ войны претерпел существенные изменения, эволюционировав от «маленькой победоносной войны» над диким народом в позорное поражение, которое не имело смысла. По этому поводу чрезвычайно метко высказался Немирович-Данченко: «Я помню, как с “трезвым” убеждением, что нам удастся избежать новых испытаний, мы перебрасывались под мелкий топот наших коней и шорох камня, падавшего из-под копыт, шутками — вроде того, что мы-де теперь старые воробьи и на мякине нас не проведешь, но — увы! — воробьи действительно постарели, хотя мякина не потеряла для них своей привлекательности! Выросла красивая, не лишенная мистической прелести легенда о желтой опасности и завоевании мира пробужденным Китаем, предводимым Японией, как киргиз водит верблюда»⁴⁴.

Ключевые слова: общественные стереотипы, образ войны, психологическое состояние комбатантов, синхронный и прогностический образы, предстоящая война, сестра милосердия, Василий Иванович Немирович-Данченко.

THE IMAGE OF WAR IN THE ARTICLES AND NOTES
OF VAS. I. NEMIROVICH-DANCHENKO DURING
THE RUSSIAN-TURKISH (1877–1878)
AND RUSSIAN-JAPANESE (1904–1905) WARS:
THE STORIES AND THE SOCIAL STEREOTYPES WHICH FORMED IT
S. NOVIKOVA

The article is devoted to the theme of forming the war image, in particular, considering the influence of Russian social stereotypes in the second half of 19th — early 20th century. The main sources of this work were the articles and notes that were creating by the famous journalist and writer Vas. I. Nemirovich-Danchenko. As a war correspondent he participated in almost all major conflicts of the second half of 19th — early 20th century and left a significant mark in journalism and literature. All of this works were written during Russian-Turkish (1877–1878) and Russian-Japanese (1904–1905) wars. These were not only main social fears and stereotypes of Russian society about coming war and enemy, but also the stories and collective images brought in the articles to make the stereotypes stronger or to deny it. Nemirovich-Danchenko developed his own personal collection of images and techniques, which he managed to convey the most delicate nuances necessary to achieve its objectives. Formed during the Russian-Turkish war this collection of images has undergone only minor changes. It enriched

⁴⁴ *Немирович-Данченко Вас. И.* На войну (от Санкт-Петербурга до Порт-Артура). С. 8–9.

the author's reflections on the theme of evolution wars that he had seen. Analysis of materials of this article was produced in accordance with modern views of the scientific community on the problems of formation of the images of war. The aim was to show the real influence of public attitudes and views on the development of stereotypes and their expression in the press. First of all it concerns the period immediately before the war and the development of pre-existing views. The author investigated the prognostic and simultaneous steps of forming the images of war, but left beyond reasoning retrospective (final) view.

Keywords: social stereotypes, the image of war, psychological condition of combatants, synchronous and prognostic images, coming war, sister of charity, Vasily Ivamovich Nemirovich-Danchenko.

Список литературы

1. Антонова Т. В. Борьба за свободу печати в России 1862–1882 гг. М., 1992.
2. Болотина Н. В. Московская печать в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1999.
3. Жукова Л. В. Идеологическое обоснование русско-японской войны в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
4. Ровнякова Л. И. Борьба южных славян за свободу и русская периодическая печать (50–70-е годы XIX в.): Очерки. Л., 1986.
5. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.